

Сорняк на клумбе

Алексей Ерошин

— Все-таки я не понимаю, — сказал Ёшка.

Машина продолжала гудеть, выдавая упаковки сэндвичей, которые Дрю едва успевал складывать в коробку. Снаружи было довольно жарко, а в автоматической столовой стояла приятная прохлада. Это была единственная причина, по которой Ёшка не остался ждать приятеля на солнце, а зашел внутрь. Синтезированную еду мало кто ел, еще меньше кто любил.

— Чего ты не понимаешь?

— Не понимаю, он какой.

Приятель на пару секунд призадумался, на ленте успела вырасти горка бутербродов.

— Он... большой, — неуверенно заявил Дрю.

— Ну какой большой-то? Выше тебя? Насколько? На голову? На полголовы? Или он в ширину больше?

— Нет, — поморщился приятель, — ты не понимаешь. А я не могу объяснить. Я таких больше нигде не находил. И никто не находил. Я думаю, он вообще один такой. Короче, сам увидишь.

Машина наконец перестала гудеть, и Дрю быстренько переложил готовые бутерброды в коробку, добавив туда еще сок и молоко.

— А ты что-нибудь будешь? — спросил он.

— Не, — поморщился Ёшка, — не люблю еду из машины.

— А мороженое у них — ничего.

— Ну, если только мороженое.

Они заказали по порции клубничного, а потом еще анасовое и шоколадное. Пока Ёшка не заявил:

— Как же я облопался!

— Тогда вперед, — сказал Дрю, — в Запретные пещеры! — Он схватил коробку и решительно двинулся к выходу.

Запретные пещеры — это вам не парк или пляж. Там все такое старое да ветхое, что и войти страшно. Да и запах оттуда... Летучими ящерицами тоже, конечно, пахнет, но больше всяким пыльным, гнилым старьем. И предметы там странные повсюду, будто в сломанной автоматической столовой: трухлявые стулья, трубы ржавые, разбитые приборы и вообще неведь что. Темно там и довольно скучно. И даже жутковато. Поэтому никто в глубину особенно не ходил. И Ёшка очень удивился, когда узнал, что его лучший друг Дрю бывал там довольно часто и в одиночку. Никогда бы не подумал о нем такое.

Дрю — с виду, как и все на этой планетке. Вихрастый, голенастый, пригоршня веснушек и два десятка царапин. А как без царапин? Без них никак. То прибор швырнет о кораллы, то с дерева сорвешься — очень у эхиноров орехи вкусные и кора скользкая. Ёшка много раз падал, даже руку однажды сломать умудрился, срасталась целый час. Он себя вполне отчаянным любителем приключений считал, а тут — надо же, лучший друг обошел.

Дрю заложил крутой вираж и повел флаер вдоль берега, в сторону холмов. Внизу, на побережье, мелькнула стайка

ФАНТАСТИКА

знакомых мальчишек. При виде летающей машины они запрыгали, размахивая руками. Ёшка помахал им в ответ.

— А чего мы вдвоем полетели, Дрю? Давай возьмем Ника, Сема и других?

— Он сказал никому не рассказывать. Это только его тайна. И моя.

— Почему?

— Да кто его знает. Потому что странный.

— Потому что большой?

— Ну да, и большой. И просто странный. У него на голове волосы не растут. Совсем. И не улыбается никогда. Молчит чаще всего. Или рассказывает непонятно. А больше всего не любит, чтобы ему мешали. Поэтому и сказал никого не приводить.

— Но мне-то ты рассказал?

— Тебе рассказал, да. Он, конечно, сердиться будет, но это не страшно. Знаешь, с ним довольно скучно играть.

— А во что он играет?

Дрю пожал плечами:

— У него много странных вещей. Приборы и всякие такие штуки. Он их перекладывает, рассматривает, соединяет всякими проводами. А то целыми днями сидит и смотрит в какую-то трубку, микроскоп называется. Я заглянул один раз — ничего интересного, спиральки какие-то. Иногда он меня колет иголкой в палец — крови хочет. Он и тебя может уколоть.

— Что-то я не очень хочу, чтобы меня иголкой кололи. А зачем ему кровь?

— Он ее тоже в трубку рассматривает. Не бойся, он берет всего каплю. И ругается не страшно, смешно даже.

Дрю заметил стаю птеробелок и попытался их догнать. Белки бросились врассыпную, флаер сделал бочку, снова повернул к холмам и пошел на снижение.

Да, несло трухой оттуда очень сильно. Так пахнет, если кору гнилого дерева в лесу отодрать. Землей, сыростью, дохлыми сколопендрами. В общем, чем-то давно отжившим.

Дрю пошарил в бетонной нише и достал фонарь. От яркого луча в разные стороны шустро прыснули обитатели подземелий — стайка прожорливых жукоедов с розовыми хвостами, светящиеся личинки темнотников, вечно голодные десятиноги, проволочные змейки и прочие мелкие пещерники.

— Идем, — сказал Дрю. — Смотри не потеряйся, тут настоящий лабиринт.

Под ногами мальчишек влажно захрустели старые жучинные панцири, мелкий мусор и бетонная труха. Они пошли по длинному коридору до лестницы, заржавленные железные перила которой густо поросли белым пещерным лишайником, и спустились по ней на три этажа. Осторожные шаги разносились по пустым коридорам зловещим шелестом. Ничего опасного тут водиться не могло, но все же было жутковато.

— И кто, интересно, это все понастроил? — Гулкое эхо вспугнутой летучей ящерицей заматалось по бетонному

лабиринту, и Ёшка поневоле понизил голос до шепота. — А главное — зачем?

— Я думаю, их когда-то больше было, — хриплым шепотом ответил Дрю. — А потом они вымерли.

— Если бы я тут жил — то, наверное, тоже бы вымер!

— Балда, здесь же окна есть. Зачем они под землей? Когда-то это все было снаружи.

— И они тут жили? Много больших?

— Нет, — ответил Дрю. — Никто здесь не жил. Здесь кроватей нет. В комнатах одни приборы. Я думаю, они тут играли. Как этот.

— Ну тогда они вымерли от скуки.

Мальчишки дошли до конца коридора, дальше был завал. Дрю свернул на другой лестничный пролет, который вел вниз еще на два этажа. Там они миновали еще один длинный мрачный коридор, по полу которого густо расползлись водоросли, чавкавшие под ногами при каждом шаге. В конце коридора находился еще один лестничный марш. Нижние этажи давно затопило, на площадке стояла тихая вода. Сверху к ней тянулись холодные полупрозрачные корни пещерных лиан. Раздвигая их руками, мальчишки поднялись на два пролета и свернули в очередной коридор.

Ёшка с трудом пытался поверить, что приятель проходил здесь совсем один. По спине то и дело пробегали мурашки. Идти в полном молчании было страшно, но слышать гулкий вкрадчивый шепот эха было еще страшней. Казалось невероятным, что на этой вдоль и поперек избеганной, испрыганной, исползанной и облетанной мальчишками и девчонками планетке сохранилось место, где почти никто никогда не бывал. По крайней мере, в последние сто лет. Отсюда было сложно себе представить, что там, наверху, теплое светило со странным именем Москва 34718 продолжало ласкать лучами моря и пляжи, шли тропические дожди, мели метели над полярными шапками, распускались гроздья лиловых цветков на эхинорах между кистями зеленых и спелых орехов и в автоматической столовой на ленту вываливались ледяные креманки с пломбиром.

Спускаться и подниматься пришлось еще дважды, пока наконец не показался последний лестничный пролет. Тут было слишком тепло и сухо для лиан и водорослей. Внизу слышался какой-то низкий равномерный гул и был виден тусклый свет.

— Здесь, — шепнул Дрю, кивнув на заржавленную дверь с облупившейся краской.

Он уперся ногой в стену и потянул на себя ручку. Дверь с истошным взвизгом повернулась в петлях. В глаза мальчишкам ударил свет, ослепительный после мрака подземелий.

— Это я! — сказал Дрю, поставив коробку на какой-то непонятный агрегат. — То есть это мы!

Дрю верно сказал — он был *большой*. По-другому просто не скажешь. И очень странный. Голова гладкая, как речной камень. Складки на лбу, будто все время хмурится. Какие-то странные стеклянные штуки на носу. И похоже, он в самом деле не умел улыбаться. И удивляться, наверное, тоже. Он даже сердиться не умел. Ёшка думал, что сейчас он станет ругать Дрю — за то, что они вдвоем явились. Но *этот* лишь взглянул мельком и снова занялся своей странной игрой. С головой забрался в какой-то шкаф с мигающими лампочками, откуда несло дымом и жженой смолой.

— Ничего не трогайте! — предупредил он оттуда. — Если уж пришли, сядьте в уголок и не мешайте!

— Мы бутерброды принесли, — сказал Дрю.

— Угу... — невнятно донеслось из шкафа.

Ёшка огляделся. Помещение было по всему периметру заставлено такими же шкафами и стеллажами поменьше. На

одних светились экраны с цифрами, на других мигали цветные огни. В центре возвышался металлический стол, на нем стоял стеклянный куб, внутри которого таинственно мерцал голубоватый кристалл неправильной формы. Казалось, он живой — так переливался и пульсировал искристым светом. А может, это просто мигающие огни приборов отражались в его гранях. Завороженный этим необычным предметом, Ёшка не заметил, как оказался у стола и протянул руку.

— Я же сказал — ничего не трогать! — раздался строгий голос у него над ухом.

Ёшка поспешно отдернул руку и спрятал ее за спину.

— Гравин очень чувствительный, — уже спокойнее сказал Большой. — И хрупкий. А растет слишком долго. Я выращивал его восемьдесят шесть лет. А теперь время настало.

— Я помню, — сказал Дрю. — Сегодня особенный день, поэтому я и пришел. А это мой друг, Ёшка.

— Лёшка, — поправил Большой. — Лёшка. Я помню. Сложно не помнить. Еще сложнее не узнать.

Он сгреб со второго стола в мусор странные склянки, обрезки проводов и пластиковые тарелки с кусками лиловой плесени, а потом принялся выкладывать из коробки принесенные бутерброды.

— Работы много, — сказал он. — Жаль тратить время на беготню за едой. Иногда и есть забываю. А консервы надо-ели. Садитесь-ка, цветы жизни, чаю попьем.

— Почему — «цветы»? — немедленно спросил Ёшка.

— Так вас на Земле называли. Детей. Писатель один придумал, кажется. Очень давно. Знал бы он тогда, что целая планета может стать клумбой...

— Ну а все-таки, почему — «цветы»?

— Почему... — Большой пожал плечами. — Наверное, потому, что дети не знают ни тревог, ни волнений. Не боятся завтрашнего дня. Не сожалеют о дне вчерашнем. Их не мучают сомнения, алчность и жажда власти. Они любят бескорыстно и легко забывают обиды. Они просто тянутся к свету и радуются жизни, как ромашки на лугу.

Большой принес термос и разлил по чашкам горячий красноватый напиток. Напиток оказался терпким и горьковатым.

— Эй, а у тебя еще есть эта вкусная белая штука? — спросил Дрю.

— Андрюшка, — нахмурился Большой, — сто раз уже тебя просил называть меня папой. Сгущенки еще лет на триста хватит. Хотя с твоими аппетитами — едва ли на двадцать.

Он принес открытую банку с чем-то белым и тягучим.

— Ешьте. Я, на ваше счастье, давно перестал ее любить. — Он сорвал обертку с бутерброда и принялся его жевать.

— Ух ты! — выдохнул Ёшка, проглотив первую ложку лакомства. — Вкусно! Спасибо, Папа!

Большой поперхнулся бутербродом.

— Как ты сказал?

— Ну ты же просил себя называть Папой, — удивился Дрю.

Большой внезапно расхохотался. Странно, но это почему-то было не так весело, как обидно.

— Это тебе я папа, — сказал он, отсмеявшись. — А для него — дядя Игорь. Или Игорь Николаевич. Можно еще — бортинженер Липницкий.

— А зачем тебе так много имен? — удивился Ёшка. — Папа — короче.

— Цветы жизни! — фыркнул Большой. — Папа — это не имя. Папа... Ты, поди-ка, уже совсем не помнишь...

Он встал и принялся рыться в ящиках стеллажа, пока не откопал ветхую книгу. В книге были поблекшие картинки. На картинках — много больших. Однако на некоторых Ёшка узнавал рядом с ними знакомых ребят. Наконец на одной из

картинок он увидел себя и Дрю. А позади стоял этот самый дядя Игорь. И рядом с ним еще трое больших. Двое с длинными волосами — девчонки. А третий...

— Он вроде на меня похож немного, — сказал Ёшка.

— Дурашка, — снова фыркнул Большой, — это ты на него похож. Потому что это твой папа. Олег Родимцев. А это мама твоя, Надежда. Астрофизики.

— Я же говорил, что их раньше много было, — напомнил Дрю. — А потом они вымерли.

— Почему вымерли?

Большой поправил стекляшки на носу и с кислой усмешкой ответил:

— Плата за любопытство. Мы слишком хотели знать, что там, за гранью воображения. Мы очень много думали о науке и слишком мало о себе. Жажда познания — вот причина всему. Случайная генетическая мутация. То ли воздействие слишком долгого полета, то ли влияние неизвестных полей. Вы стали слишком активно регенерировать. Восстанавливаться. А мы — нет. Вы совсем перестали расти, а мы продолжали стареть. Биологам удалось вывести вирусы, которые могли поменять и нашу генетическую структуру. А я согласился испытать вакцину. Но было слишком поздно. Большинство из нас уже умерли от старости. Остальные просто не захотели жить вечно. Как и твой отец.

Инженер отставил чашку, поднялся и вернулся к своим странным игрушкам.

— Разве плохо жить вечно? — спросил Ёшка. — Вечно загорать на пляже и вечно купаться в море? Или вечно есть мороженое? Почему он не захотел?

Инженер возился со стеклянным кубом с искристым кристаллом, подсоединяя к нему какие-то проводки.

— У твоего отца родилась очень забавная теория, — нехотя отозвался он. — Во время полета он сделал одно фундаментальное открытие из области структуры Вселенной. Вскоре после этого все и началось. Тогда он заявил, что человек — вот это. — Инженер показал вещи, которые держал в руках.

— Отвертка?! — удивился Дрю.

— Да не отвертка, дурачок.

— Пассатижи! — догадался Ёшка.

Инженер снова насмешливо фыркнул:

— Цветы жизни... Инструмент! Ага, можете себе представить? Инструмент Вселенной! Вот видите, зеркало висит?

— Ну, — ответил Дрю.

Он подскочил к стене и принялся с удивлением разглядывать собственные вихры и веснушки. Мальчишки редко видят свое отражение, хоть зеркало и висит в каждой столовой. Дрю показал отражению язык и растянул губы в улыбке.

— Вот представь, что ты — Вселенная и занимаешь все существующее пространство.

— Ну, — снова отозвался Дрю.

— Ты разумное существо и очень хочешь знать, кто ты и как выглядишь. Хочешь познать себя. Но ты не можешь этого сделать.

— Почему?

— Да потому что у тебя зеркала нет! — ответил Ёшка. — Да?

— Верно, — кивнул инженер, продолжая заниматься своим кристаллом. — У тебя нет большого зеркала, чтобы разглядеть себя целиком. И взять его негде. И сделать не из чего. Потому что все сущее — это только ты. И тогда ты берешь часть себя. И создаешь маленькое зеркало. И делишь его большой жаждой познания. Очень маленькое, очень беспокойное и очень любопытное зеркало. Которое всюду сует свой нос, от субэлементарных частиц до иных

ФАНТАСТИКА

галактик. И триллионы крошечных отражений складываются для тебя в большую картину. Сначала тебе видно немного: глаз, нос, кусочек уха. Но зеркало становится все больше и проникает в тебя все глубже и все дальше. Пока ты не начинаешь видеть себя целиком.

Дрю наконец-то разглядел все свои веснушки и потерял интерес к своему отражению.

— Но я так и не понял, почему все вымерли.

Инженер снова показал инструменты:

— Цветы жизни!.. Для чего мне нужна будет отвертка, если завинчены все винты на свете? Для чего кораблю бороздить океан, если все острова уже открыты? Человек не может жить без цели. По крайней мере, взрослый. Поэтому они ушли. Сравнили с землей научные базы, построили для вас автоматические столовые и фабрики одежды. И ушли.

— А если я захочу снова заглянуть в зеркало? — спросил Дрю. — Ну просто так, от скуки. Или вдруг у меня прыщ всочит?

— Для этого мы и остались, — догадался Ёшка. — Верно?

Инженер закончил возиться с кристаллом и вернулся к приборам.

— Почему я знаю — для чего? — сказал он. — Это только теория. По-моему, твой отец в конце концов сошел с ума. Да и кто бы не сошел? В нас во всех сидела эта одержимость. Исполнить свой долг. Достичь цели. Только ради нее я ждал столько лет среди этой клумбы. Решился пережить всех. Сохранил рассудок. Ради этой минуты. Гравион очень медленно растет. Слишком медленно. А без него не обеспечить гиперсвязь. Они были слишком слабы. Они не могли без цели. А моя цель была впереди. Мне нужно передать результаты на Землю. Это мой долг. Итог моей работы. И сегодня мой день.

— Я помню, — сказал Дрю. — Особный день.

Инженер благоговейно положил пальцы на панель настройки, как пианист, ждущий вдохновения перед началом концерта, и на минуту закрыл глаза, чтобы насладиться моментом. Искристый кристалл замерцал в кубе синеватым светом, бросая на стены яркие сполохи. По комнате пробежала легкая дрожь незримой музыки гравитационных полей. Мальчишки от удивления раскрыли рты. Дрожь все росла, наполняя комнату густым басовым гулом. Кривые на экранах сливались в единую яркую черту, пронзавшую пространство.

— Земля! — призвал наконец инженер. — Штаб звездных экспедиций! Вас вызывает борт «Волга» сорок пять тринадцать! Отвечайте «Волге» сорок пять тринадцать!

И Земля им ответила. Ёшка недоуменно улыбнулся. Дрю несмело хихикнул. И только инженер остался сидеть с побелевшим лицом и глазами навывкате, слушая летящее через тысячи световых лет послание. Мальчишки бы сроду не поверили, что такой смертельный ужас может вызвать обычный детский смех.

